

А.А. Вознесенский

Реквием оптимистический по Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу

За упокой Семенова Владимира
коленапреклоненная братва,
разгладивши битловки, заводила
его потусторонние слова.

Владимир умер в 2 часа.
И бездыханно
стояли серые глаза,
как два стакана.

А над губой росли усы
пустой утехой,
резинкой врезались трусы,
разит аптекой.
Спи, шансонье Всея Руси,
отпетый,
ушел твой ангел в небеси
обедать.

Володька,
если горлом кровь,
Володька,
когда от умных докторов
воротит,
а баба, русский журавель,
в отлете,
кричит за тридевять земель:
«Володя!»

Бродил закатною Москвой,
как богомаз мастеровой,
чуть выпив,
шел популярней, чем Пеле,
с беспечной челкой на челе,
носил гитару на плече,
как пару нимбов.
(Один для матери – большой,
золотенький,
под ним для мальчика – меньшей...)
Володька!
За этот голос с хрипотцой,
дрожь сводит,
отравленная хлеб-соль

мелодий,
купил в валютке шарф цветной,
да не походишь.
Отныне вечный выходной —
свободен...

Но в Склифосовке филиал
Евангелия.
И Воскрешающий сказал:
«Закреть едальники!»

Твоею песенкой ревя
под маскою,
врачи произвели реа-
нимацию.
Ввернули серые твои,
как в новоселье.
Сказали: «Топай. Чти ГАИ.
Пой веселее».

Вернулась снова жизнь в тебя.
И ты, отудобев,
нам говоришь: «Вы все — туда.
А я — оттуда!..»

Гремите, оркестры.
Козыри — крести.
Володька воскресе.
Воистину воскресе!